

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 586-594, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(574):930.2

Russian Consuls in Xinjiang: Legislative Initiatives at the Turn of XIX–XX Centuries

Gulnar K. Mukanova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Almaty, Al-Farabi Avenue, 71

PhD (History), Associate Professor

E-mail: Gulnar_mukanova@mail.ru

Abstract

The article is devoted to an interesting chapter in the history of international relations in Central Asia, namely, the role of the consular service in tracing ethno-demographic processes in the area of Russian-Chinese border. Observation Russian consuls and analysis of the situation at the turn of the 19th and 20th centuries are reflected in the sources that allowed the author to explore the details of the development of the law in 1903 to regulate the uncontrolled immigration. The author studied the array of documents from the archival funds and memoir literature, periodical press materials specified period. Activities of Russian consuls for many years has not been studied as a subject of study, since the coming to power of the Bolsheviks in 1917 and the abdication of Nicholas Romanov 2 put them out of politics. The fate of Russian consuls abroad after 1917 constitutes a separate dramatic page of history. China has actively cooperated with the consuls in Xinjiang, which is understandable position of the state on the eve of the First World War. This is an example of the interested cooperation of Russia and China in solving the problem of spontaneous cross-border migration in Central Asia.

Keywords: Russia, China, Ch'ing, Central Asia, Kazakhstan, Xinjiang, migration, Kazakhs, Consuls, Act of 1903 year, border.

Введение

Перманентная иммиграция номадов в пределы Синьцзяна (провинции Северо-Западного Китая) в начале XX в., в канун I мировой войны, была обусловлена социально-экономическими причинами, в частности земельной проблемой в Семиречье. Актуальность темы урегулирования стихийной международной миграции очевидна на фоне современных сюжетов в СМИ, освещающих аналогичные примеры иммиграции в Евросоюз, из стран Африки, Ближнего Востока (Сирии). Безусловно, транзит через территорию Республики Казахстан в лице трудовых мигрантов из Юго-Восточной и Центральной Азии (далее – ЦА) в Европу также требует актуализации правового поля ситуации. Какую роль в решении вопроса могут и должны играть консулы? Какие ограничительные меры выносятся на согласование с государствами исхода мигрантов? Исторический опыт деятельности российских консулов, их забота о престиже государства и международном резонансе пограничных коллизий полезен, как практика международного права.

Материалы и методы

Поскольку тема в советское время вовсе была под знаком «табу», по причине ухудшения и разрыва отношений с Китаем, то специальных исследований не проводилось. Другой причиной закрытия темы для историков и обществоведов были идеологические, возникшие при написании академических обобщающего характера трудов по истории Казахстана («Дело Бекмаханова»). Соответственно, источниковая база исследования представлена архивными документами и материалами, отложившимися в фондах Архива внешней политики МИД Российской империи (АВПРИ, г. Москва), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва), а также мемуарными изданиями. В основном это – письменные источники из числа

дипломатической документации, как-то: переписка цинского двора с российским МИД, записки консулов США, Великобритании, России, записки путешественников, донесения пограничных служб и т.п.

Методы научного анализа и синтеза, использованные в процессе исследования, лежат в традиционной области диалектики и логики, применены методы аналогов и сравнительно-сопоставительный (или компаративистский), верификации источников, принципы историзма и объективизма.

Обсуждение

Тему перебежчиков в районе русско-китайской границы в Центральной Азии зарубежные авторы исследовали в годы «холодной войны» с политического аспекта. Так, в вышедшей в Нью-Йорке книге Дж. Дрейера (Dreyer Y.T.) миграция казахов из российского Семиречья в Северо-Западный Китай в конце XIX – начале XX в. в больших масштабах, оценивалась именно как этнический фактор международных отношений. [1] Основными причинами, обусловившими исход номадов, в русскоязычной дореволюционной историографии, назывались как факты проживания соплеменников по обе стороны русско-китайской границы, вызывавшие стремление к воссоединению родов, так и необходимость сезонной смены пастбищ. [2]

Результаты

Думается, практика урегулирования стихийных неплановых миграций, отраженная в исторических источниках, косвенно свидетельствует об уровне сложившихся на момент миграции международных отношений, статусе субъектов международного права в конкретный хронологический отрезок. Миграция казахов в Синьцзян в указанном контексте в тот исторический период явилась неким катализатором процесса развития дипломатических миссий. Нами анализируется малоизученный аспект международных отношений в ЦА, а именно: характер взаимодействия с мигрантами консульских служб государств, имевших легитимные представительства в Китае.

Характер миграционных намерений номадов-казахов известен по донесениям консулов. Причинами откочевок являлись все больше не столько родственные связи с соплеменниками в Синьцзяне, сколько особенности социально-экономической ситуации в Туркестанском крае. Так, консул в Кульдже Н.Богоявленский сообщал в 1900 г. в МИД России о поступивших к нему обращениях администрации Синьцзяна. В частности, илийско-тарбагатайский даотай (должность цинско-китайского чиновника, равновесная губернатору) о передаче перебежчиков: казахов, уйгуров и дунган, в китайское подданство. В этой связи Н.Богоявленский замечал: «В Джаркентском и Верненском уездах (местах исхода мигрантов. – Г.М.) народонаселение большое, земли же мало, средств к пропитанию нет, а Илийский край – обширен, людей мало, для хлебопашества это удобно» [3].

Относительная аграрная перенаселенность российского Семиречья в исследуемый период фактически явилась одним из объективных факторов миграции номадов в менее заселенные области Синьцзяна: в район Чугучака и Илийский край. При том, что в целом картина миграций номадов в районе границы создает впечатление абсолютной их хаотичности, российские власти прилагали определенные усилия для выработки механизма по их упорядочению и даже прогнозированию. История этого процесса, протяженностью в несколько десятилетий, показательна в сопоставлении с позицией цинских властей. Последние предлагали, в частности: «с имеющими билеты людьми (о существовании специальных разрешений на переход в Синьцзян, сроком на 6 месяцев, упоминается в источниках примерно с 1901 по 1906 гг. – Г.М.) поступать по существующим законам, русских же подданных безбилетных, прибывших тайно в Китай более 10 лет, или 3–5 лет тому назад, обстоятельно расследовав, записать в списки и считать их китайскими подданными». [4]

Приведенную выше позицию цинских властей консул Н.Богоявленский воспринимал негативно, что видно из его комментариев: «Во-первых, в лице наших перебежчиков они получают несколько тысяч работников и плательщиков податей, а, во-вторых, по китайским понятиям, они одерживают дипломатическую победу, т.к. увеличение населения за счет другой державы, при нынешних тяжелых для Китая обстоятельствах, кажется китайцам уже некоторым успехом. Илийский край настолько пуст, и китайцы так хотят заселить его, что очень рады всякому новому жителю». [5]

Статистика (официальная) стихийной миграции через русско-китайскую границу на начало XX века подтверждает опасения пограничных властей. По данным семиреченской администрации, на 1 сентября 1901 г. ушли в Синьцзян 5491 человек, в том числе – 198 дунган, 3495 уйгуров и 1798 казахов. Помимо этого, покинули область еще 382 уйгура и 480 казахов, состав семей которых не был установлен. При традиционном исчислении состава семей номадов в 5 человек, число мигрантов превысило на указанную дату 4 тысячи чел. Официальные данные по эмиграции, как правило, были занижены, во избежание служебных взысканий; ведь неустойчивость хозяйств вело к значительным потерям податных поступлений в казну [6].

Данные российских военных ведомств конца 90-х гг. XIX – начала XX вв. также свидетельствуют о перманентном характере откочевок казахов в Синьцзян. Согласно им, 21 сентября

1902 г. Военное Министерство вынесло резолюцию: «Исключить из русского подданства бежавших в Китай: киргиз – 739 кибиток, таранчей – 2050, и дунган – 122 семьи. Исключить из оклада также 480 кибиток, состоящих в настоящее время на окладе кибиточной подати и земского сбора». [7]

К тому времени, общее число казахов, откочевавших в Китай с конца XIX века, превысило 6 тысяч человек: по большей части, то были «отходники» (термин встречается в документах), переходившие под воздействием новых социально-экономических условий от традиционного хозяйства к наемному труду. «Отходники» задерживались в Илийском крае на неопределенное время, причиняя этим много хлопот пограничным службам обоих государств. «...Много их, - пишет Н. Богоявленский, - приходит в города Западного Китая на заработки. Это – киргизы не кочующие, большей частью из джатаков, это все страшная беднота. [8] («Джатаки» - от казахского «жату» - лежать, т.е. не кочующие. – Г.М.).

Поскольку консульства в Синьцзяне не имели возможности воспрепятствовать массовому наплыву номадов, казна страдала от неуплаты ими своевременно податей, то к решению узловой проблемы подключены были опытные дипломаты. Так, в мае 1900 г. МИД России рассмотрел предложение членов Миссии в Пекине выдавать перебежчикам особые «виды на жительство».

Суть предложения заключалась в следующем: «Водворить обратно в Россию ту массу киргиз (казахов. – Г.М.), которые укрываются в китайских пределах, представляется едва ли возможным, передача же всех этих беглецов в китайское подданство вызвала бы для нас потерю нескольких тысяч податных единиц, а потому предлагается узаконить их пребывание на китайской территории, путем постепенной и бесплатной выдачи им, нашим консульством, особых свидетельств на жительство». [9]

Обозначенные меры предполагали, что перебежчики будут значиться в списках русского населения, а причитающиеся с них подати и повинности будут взыскиваться в пользу казны консульством. Таким образом, российские консульства в Синьцзяне были уполномочены выполнять дополнительные функции в отношении мигрантов.

Перемещения кочевников через российско-китайскую границу в ЦА нередко сопровождалось нарушениями приграничного режима, выражавшимися в барымте – угоне лошадей. Барымта традиционно осуществлялась казахами различных родов друг у друга, или у китайско-подданных калмыков. Так, в «Обзоре состояния дел в Кульджинском районе к началу XX в.» и.д. дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе В.Наливкин отмечал: «По ту и другую сторону государственной границы проживают кочевники, между которыми барымта всегда была обычным явлением, родом самосуда, посредством которого потерпевшие вознаграждали себя за убытки и обиды» [10].

Проблема улаживания межродовых споров на почве барымты все чаще выходила за рамки частных разбирательств, обнаружив постепенно тенденцию к перерастанию в межгосударственную. [11] Как и в 1880–1890-е гг., споры такого рода разрешались на так называемых международных приграничных съездах. Это отдельная тема исследования; китайская сторона с пониманием относилась к практике пограничных судов; цинские чиновники присутствовали при разбирательствах.

Надо отметить, что в тот исторический период цинские власти проявляли особую щепетильность в вопросе подданства казахов и других перебежчиков из России. Случаи обратной миграции номадов – из Синьцзяна в Россию, - вызывали недовольство у администрации провинции, требовавшей их немедленного возвращения. Так, к примеру, нота Китайского посланника в Петербурге от 5 октября 1906 г. ставила МИД России в известность о факте откочевки более 1 тысячи семей номадов из района Чугучака в Зайсанский и Лепсинский уезды Семиреченской области. [12]

Эта позиция диктовалась соперничеством Цинов в регионе ЦА и имела идеологическую подоплеку: традиция Поднебесной рассматривать смежные этносы как подданных, но не равноправных партнеров. Тем не менее, встречная волна миграции – из России в Синьцзян, - по-прежнему оставалась более мощной. Для сравнения: из упомянутого выше, Зайсанского уезда, с 1893 по 1899 гг. откочевали в Китай 465 юрт казахов, и с 1895 по 1904 гг. – более 3 тысяч юрт. [13]

По данным консула в Чугучаке, число российских казахов, кочевавших в Чугучаке в начале XX в., доходило до 2 тысяч юрт (или 10 тысяч чел.). Не меньшее их количество проживало на Алтае и в районе Кобдо. [14] такая же ситуация складывалась и в Илийском крае: к концу первого десятилетия XX в., согласно сообщениям консула С. Федорова, «перекочевки киргизов в китайские пределы приняли массовый характер и грозят еще усилиться. Бегут целые старшинства с начальством во главе. По заявлению китайских властей, лишь во второй половине августа 1908 г. перешли границу сразу 160 кибиток, а следом еще около 300, с семьями и скотом». [15]

Перебежчики располагались на землях китайских казахов рода кызай, а совместные с цинскими властями попытки российского консульства убедить их возвратиться, оказывались безрезультатными, даже при угрозе применения силы. «Киргизов, - отмечал консул С. Федоров, - гонит сюда теснота и недостаток пастбищ. Возвращение в русские пределы, заявляют, равносильно голодной смерти, и лучше умереть умрем здесь, а не пойдем добровольно. Удержат их при таких условиях в русских пределах трудно» [16].

В результате перекочевки казахов через российско-китайскую границу на рубеже XIX–XX вв., расселение их на территории Синьцзяна представлялось следующим: Илийский край населяли два

казахских племени: албан и суан. Албаны в количестве 400 юрт (или 2 тысячи чел.) составляли одну волость и кочевали летом в горах Коктау и верховьях р. Коксу, зимой – по правому берегу р. Текес от Кок-Терек до Коксу), кызаи – в количестве 6 тысяч юрт, или 30 тысяч чел., населяли долину р. Боротала и южный склон хребта Борохоро, расширив свои кочевья и на долины рек Кунгес и Каш, а также окружавшие их горы. После откочевки части албанов в Россию, кызаям удалось занять и их кочевья на р. Текес, распространившись таким образом по всему Илийскому краю. Не случайно, современники отмечали некоторую враждебность, с которой кызаи встречали албанов, впоследствии вернувшихся на свои старые кочевья [17].

Район Тарбагатай был населен казахами, обретшими китайское подданство со времени разграничения 1881-1883 гг. Любопытный факт: «Киргизская Степная газета» («Дала Уалаяти», 1900 № 10) сообщала о факте передачи в 1885 г. в китайское подданство 57-ми юртовладельцев рода тертоул, [18], а также оставшихся там при передаче Барлыка в 1893 г. К ним примкнули номады, эмигрировавшие в Синьцзян из России в последнее десятилетие XIX в.

Казахи этого района были представлены племенами: байджигит, тертоул, уак и керей. Общая их численность колебалась в пределах 5600 юрт (или 28 тысяч чел.). Байджигиты занимали Барлык и нижнее течение р. Эмиль, южный склон хребта Тарбагатай, тертоулы – хребет Тарбагатай и долину р. Эмиль вокруг городов Чугучак и Дорбульдзин, керей – Восточный Барлык и горы Майлы и Джаир. В результате массового переселения казахов из Зайсанского приставства в пределы Китая, почти все 12 родов племени керей к началу XX в. оказались на территории Алтая. С течением времени, их кочевки распространились далеко за пределы собственно Алтая, в Кобдо, а затем предгорья Тянь-Шаня, близ городов Урумчи, Гучен и Баркуль. Численность казахов рода керей на Алтае на 1907 г. составила 12 тысяч юрт (или примерно 60 тысяч чел.) [19].

Отношение российского правительства к массовой эмиграции номадов из Семиречья в Синьцзян претерпевало заметные изменения. Как пишет консул Н.Богоявленский, с середины 90-х гг. XIX в. «со стороны нашей пограничной администрации начинают приниматься меры к возвращению киргизов из китайских пределов и прикреплению их к отведенным им местам, в русских пределах». [20] Но уже в начале XX в. наметилась тенденция к исключению из российского подданства самовольно откочевавших в Китай номадов.

Об этом можно судить в связи с принятием Российским правительством в 1903 г. соответствующего законопроекта. История принятия Закона такова: Степной генерал-губернатор К.Таубе направил 10 мая 1894 г. рапорт Министру внутренних дел И.Дурново. В рапорте излагалось сложившееся положение дел на границе с Китаем, в связи с самовольными уходами в Синьцзян казахов, уйгуров и дунган. Таубе считал, что не следует препятствовать этим переходам, поскольку гораздо выгоднее «иметь на соседней китайской территории преданных нам туземцев, чем недовольных наделями и бедствующих на русской территории» [21].

Проект Таубе был вынесен на обсуждение Военного Министерства и Министерства иностранных дел. Некоторые положения вызвали возражения: в частности, консул в Кашгаре Н.Петровский высказал опасения, что предполагаемая свобода откочевки вызовет массовый исход российских казахов в Синьцзян, а это чревато возможными обратными миграциями номадов, в случае, если последние не смогут там обустроиться [22].

Таубе отверг подобные опасения, как не имеющие основания. По его мнению, проект «не предполагалось опубликовать во всеобщую известность, а перекочевавшие в китайские пределы инородцы должны считаться лицами, самовольно оставившими Отечество, и в случае возвращения должны подлежать наказаниям, установленным нашими уголовными законами» [23].

Российские консульства в Синьцзяне продолжали в этот период вести работу по водворению перебежчиков: только в 1899 г. за шесть месяцев было возвращено в Россию более 3 тысяч человек, в основном – из Илийского края. То были казахи, покинувшие Семиреченскую область весной 1898 г., после джута, имевшего место в зимний период, когда произошел массовый падеж скота, вздорожание хлеба и обнищание местного населения. Тем не менее, консулы в Кульдже и Чугучаке и Военный губернатор Семиреченской области высказывались на предмет целесообразности передачи всех беглецов, довольно прочно обосновавшихся в Синьцзяне, в китайское подданство [24].

Примечательно, что реакция цинских властей на сам факт массовой реэмиграции перебежчиков оказалась негативной. «Когда китайцы увидели этот массовый уход наших подданных, - писал консул, - и поняли, что при дальнейшем выдворении край может лишиться массы рабочих рук и плательщиков податей, то они были крайне недовольны, и сначала, под разными предлогами, попробовали было уклоняться от выдачи беглых, а потом, когда это им не удалось, решили поднять вопрос о передаче наших перебежчиков в Илийском крае в китайское подданство, о чем и прислали сообщение» [25].

Таким образом, в некотором роде желания российской стороны не препятствовать переходам жителей Семиречья в Синьцзян совпали с намерениями цинских властей удержать перебежчиков у себя, с последующим принятием их в подданство Поднебесной. – Туркестанский генерал-губернатор Н.Иванов придерживался собственного мнения в этом вопросе: он считал, что цинские власти заинтересованы скорее в иммиграции в Синьцзян лиц, занимающихся торговыми операциями, а

потому номадам, желающим общаться со своими родственниками в Илийском крае, доступ туда будет все-таки затруднен [26].

В действительности же, происходило иначе: совпадение интересов российской и китайской сторон в данном вопросе выразилось в передаче двух казахских аулов Семиреченской области в 1900 г. в подданство Китая [27].

Со следующего года российские власти начали осуществлять аналогичную практику в отношении не только казахов, но и уйгуров и дунган, исключая последних из числа русских подданных и слагая с общин числившиеся за ними платежи [28]. К концу сентября 1902 г. в целом проект Таубе был одобрен Комитетом Минситров, причем МИД России вынес заключение, что «исключение беглецов из русского подданства... представляется вполне соответственным, тем более, что к приведению меры этой в исполнение едва ли могли бы встречаться препятствия международного характера. Ибо, по заявлению консула в Кульдже, илийские власти сами домогаются передачи указанных инородцев в китайское подданство» [29].

Получившее таким образом силу Закона, Положение Комитета Министров от 17/21/ января 1903 г. (данный документ именуется в источниках Законом. – Г.М.) содержало следующие параграфы, касавшиеся судеб номадов:

«...2. Киргизы, самовольно укочевавшие в Китай, исключаются из русского подданства и с оклада податных и мирских сборов в первый же переучет кибиток; (Переучет производился, согласно ст. 138-й Степного положения, через каждые 3 года. – Г.М.)

3. Впредь до окончания трехлетия и исключения из подданства и с оклада киргиз, ушедших в Китай, уплата податей и других сборов остается на ответственности подлежащих аульных и волостных обществ...

5. Инородцы, ушедшие в Китай по установленным видам, если не возвратятся к местам причисления в течение одного года после истечения паспортного срока, считаются ушедшими в Китай навсегда и исключаются из русского подданства и посемейных списков, на основании вышеизложенных правил». [30]

Российские власти так характеризовали причины откочевки номадов в Китай (Из Материалов заседаний Комитета Министров 1903 г.): «При проведении в 1883 г. границы не было обращено внимание на сохранение или уничтожение родовых связей киргиз, населяющих приграничные местности, вследствие чего – после разграничения, - киргизы одних и тех же родов остались в разных местах границы, продолжая тяготеть друг к другу. Помимо этого, на перекочевки имели влияние: партийная вражда, отсутствие удобных для кочевания угодий, в то время как смежные с нашею границею китайские владения представляют богатые пастбища, хорошо орошенные, - и отчасти желание избежать наказания за совершенные в пределах России преступления». [31]

В данном случае, названы значимые факторы миграции номадов, такие, как: этногеографический и этнокультурный. Вместе с тем, обращает на себя внимание закономерность: следование откочевщиков, ставшим уже привычным, маршрутом в Синьцзян. Безусловно, данный, подлежащий к этнопсихологическим предпочтениям, географический фактор оказывал влияние на поведение номадов, вызывая миграцию, наряду с социально-экономическими причинами.

Фактически, благодаря законотворческой инициативе консулов, поддержанной Центром, Закон от 17 января 1903 г. санкционировал казахскую эмиграцию в Китай, осуществлявшуюся прежде в самовольном порядке. Последствия принятия законопроекта не замедлили сказаться почти сразу же. Одним из них стала беспрецедентная по масштабам откочевка казахов в Синьцзян. «Перекочевки приняли массовый характер, - сообщал осенью следующего года консул в Кульдже, - и грозят еще усилиться». [32]

Косвенным подтверждением тенденции служат обращения китайского посланника в Петербурге – в МИД России в феврале-апреле 1904 г. по поводу иммиграции казахов-албанов в Синьцзян [33], а также уведомления Военного губернатора Семиреченской области о необходимости исключения из русского подданства ушедших в Китай 1728 казахов, 4053 уйгуров и 203 дунган [34].

Покидая почти беспрепятственно пределы России, кочевники зачастую не ведали того, что в случае попытки вернуться, им будет отказано в приеме: Закон от 17 января имел и обратную силу. Так произошло, к примеру, в 1906 г., когда часть казахов, переданных в китайское подданство в ходе разграничительных мероприятий 1884 и 1893 гг., попросили убежища в России. Количество реэмигрантов, прикочевавших из Синьцзяна в Семипалатинскую и Семиреченскую области, достигало 1500 кибиток, или 6 тысяч чел. [35] Перебежчики были выдворены царскими властями, поскольку со стороны Вайцзябу (МИД Китая) следовали настоятельные уведомления об их возвращении. Стороны даже подписали специальный протокол в этой связи (Чугучак, 1906 г.) [36].

Эмиграция номадов на рубеже XIX–XX вв., вызванная социально-экономическими причинами, не была чем-то непредсказуемым. Ее возможность прогнозировалась, наблюдателями за положением дел в Степи, десятилетием ранее. В 1897 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «Переселение русских крестьян в киргизскую степь Акмолинской области уже в настоящее время вызывает ропот киргиз, из которых богатые волей-неволей должны будут бросить свои привычные кочевки и с огромными стадами и табунами переселиться к своим соотечественникам, живущим в пограничных китайских владениях: кызаевцам, байджигитам и семиз-найманам». [37]

В обстановке назревшего аграрного кризиса, царское правительство видело в Семиречье и Туркестане вполне приемлемый объект для крестьянской колонизации. Закон от 6 июня 1904 г., или «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-переселенцев», открывал простор для эскалации миграционных процессов из Центра на окраины. [38] Решительный поворот в пользу введения свободы переселений крестьянства произошел в 1906 г., с изданием соответствующего Положения «О порядке применения Закона 1904 г. о переселении», разрешавшего свободное перемещение на окраины крестьян, из любых местностей европейской части России.

Разумеется, в ходе заселения Туркестанского края земледельцами правительство России преследовало и далеко идущие цели: обезопасение границы с Китаем. Именно эту, - политическую, - грань переселенческого вопроса подчеркивала газета «Колокол» в 1911 г., публикуя информацию: «Переселенческая организация стремится к скорейшему заселению надежным русским элементом Чуйской и Илийской долин, видя в этом могучее и верное средство для защиты страны со стороны соседнего Китая». [39]

Что любопытно, современники, крупные российские ученые, считали долгом прокомментировать начавшийся на рубеже веков процесс. Так, историк В.О. Ключевский в публичных выступлениях дал оценку переселенческого процесса: «... История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней. Оно усилилось с отменой крепостного права». /Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.1. Здесь и далее цитаты из лекции № 1/. [40]

«После отмены крепостного права начался отлив населения из центральных черноземных губерний, где оно долго искусственно и насильственно задерживалось. Отсюда население пошло разносторонними струями в Новороссию, на Кавказ, за Волгу и далее за Каспийское море, особенно за Урал, в Сибирь, до берегов Тихого океана», писал Ключевский. Ученый определял последствия процесса: «Во второй половине XIX в., когда только начиналась русская колонизация Туркестана, там водворилось уже свыше 200 тысяч русских, и в том числе около 100 тысяч образовали до 150 сельских поселений, составившихся из крестьян-переселенцев и местами представляющих значительные острова почти сплошного земледельческого населения». Ключевский обращал внимание на аналогичный процесс в Сибири: «Еще напряженнее переселенческий поток в Сибирь. Официально известно, что ежегодное число переселенцев в Сибирь, до 1880-х годов не превышавшее 2-х тысяч человек, а в начале последнего десятилетия прошлого века достигшее до 50-ти тысяч, с 1896 г., благодаря Сибирской железной дороге возросло до 200 тысяч чел. За два с половиной года (с 1907 по июль 1909 г.) в Сибирь прошло около 2-х млн. переселенцев. Все это движение, идущее преимущественно из центральных черноземных губерний Европейской России, при ежегодном полуторамилионном приросте ее населения, пока еще кажется малозначительным». [41]

Предупреждение сквозит в последней фразе: в данном контексте, Ключевский выступает в роли социолога-демографа, прогнозируя ситуацию на Евразийском пространстве. «Переселенческое движение пока еще не дает себя чувствовать ощутимыми толчками, но со временем оно неминуемо отзовется на общем положении дел немаловажными последствиями», заключал ученый. Но если Ключевский-историк обозначил проблему и увидел ее истоки, то Д.И. Менделеев-химик предвидел будущие демографические подвижки в Сибири, Средней и Центральной Азии, как следствие переселенческого движения. Рассуждая по поводу государственных интересов России, Менделеев всерьез рассматривал проблему заселения Центральной Азии: и с точки зрения экономической отдачи, и морального оправдания процесса. В сущности, Менделеев-практик приложил к действительности идею историка-Ключевского. [42]

Данные источников показывают, что в ходе реализации Столыпинского аграрного проекта население Туркестанского края увеличилось на 35 процентов, при том, что 78 % иммигрантов концентрировались в Семиреченской области. [43] Соответственно, увеличился исход казахского населения в соседний Синьцзян. То есть, сложились объективно-субъективные причины явления, которое имело следствием внесение изменений в законодательство и документы, регулировавшие двусторонние отношения.

Заключение

В целом, в ходе упрочения русско-китайской границы в Центральной Азии, имели место стихийные миграционные процессы. К их урегулированию имели прямое отношение сотрудники дипломатических миссий, консулы. Российские консулы в Пекине, Кульдже, Чугучаке балансировали между европейскими нормами права и практикой реализации аграрного проекта П.А. Столыпина, начиная с 1907 г., наблюдается колоссальный рост числа переселенцев в Туркестанский край. Так, к 1915 г. его население увеличилось на 35 % при том, что 78 % новоприбывших крестьян осели в Семиреченской области. [44]

Только за 1908–1909 гг. «за Урал» двинулась огромная масса крестьян – около 1,3 млн. человек. [45] Всего же с начала переселенческого движения, с 1896 г. по 1916 г. включительно, в Сибирь переселилось более 2 млн. 740 тысяч крестьян, а в среднеазиатские владения России – более 1,214 млн [46]

В результате массовых перемещений крестьянства из центральных губерний российское Семиречье и в целом Туркестанский край стали испытывать в указанный период аграрную перенаселенность. По мнению П. Дербер, проблема была характерной для ряда азиатских государств на рубеже XIX–XX вв. [47] Это создавало, с одной стороны, колоссальное давление на почву в районах вселения, с другой – отток коренного населения в сопредельные области с меньшей плотностью населения, - к примеру, из Семиречья в Сынцзян.

Для регулирования стихийных откочевок номадов на границе Семиреченской области с Китаем, во исполнение положений Закона от 17 января 1903 г., российскими властями были созданы так называемые пограничные стражи, регулярно составлявшие донесения о происшествиях, в частности о миграциях казахов. [48]

Российские консулы, выполняя возложенные на них функции, делали все возможное для поддержания престижа государства и облегчения участи мигрантов. Их компетентность в решении узловых вопросов стихийной миграции в районе русско-китайской границы в Центральной Азии несомненна. По-человечески они сочувствовали перебежчикам, но вынуждены были исполнять инструкции. С точки зрения международного права, их поведение и гуманизм в отношении к статусу конкретных перебежчиков, безупречны. Географически труднодоступные районы откочевок, слабое знание местных диалектов и обычаев, большая протяженность границы и отдаленность Центра, стихийный характер миграции создали весьма непростые условия для работы. Политическая атмосфера начала века и предвестники мирового военного конфликта также осложнили деятельность дипмиссий на этом стратегически важном участке границы. В целом, проблема «разделенных наций», обусловленная историей взаимоотношений государств, остается одной из сложных для интерпретации в международном праве. На рубеже XXI века, что любопытно, интерес вызывает уже встречная иммиграция: из КНР в государства Центральной Азии.

Примечания:

1. Dreyer Y.T. The Kazakhs in China // *Ethnic Conflicts in International Relations*. N.Y., 1977.
2. Селицкий И.В. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 1904. Т. 20. Вып. 6.
3. Донесение консула Н. Богоявленского. // *Архив внешней политики Российской империи* (далее – АВПРИ). Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 262. ЛЛ. 13- 14.
4. Донесения консулов в Чугучаке. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1429. Л. 257.
5. Донесение консула Н. Богоявленского. // АВПРИ. Ф. Китайский стол, 1884–1900. Д. 1429. Л. 262.
6. Донесение Семиреченского генерал-губернатора. // Там же.
7. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1429. Л. 192.
8. АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1883–1917. Д. 1434. Л. 193об.
9. Богоявленский Н.В. *Западный Застенный Китай*. СПб., 1906. С. 320.
10. «Обзор состояния дел в Кульджинском районе к началу XX в.», составлен и.д. дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе В.Наливкиным // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1434. Л. 117.
11. Из истории международных отношений в Центральной Азии. А., 1990.
12. Нота Китайского посланника в Петербурге от 5 октября 1906 г. в МИД России // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 262. Л. 140б.
13. Астафьев Г.В. Подъем освободительного движения народов Сынцзяна // *Всемирная история и Восток*. Сб.статей. М., 1989. СС. 171-178.
14. Докладная записка консула в Чугучаке // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1429. Л. 181.
15. Там же. Л. 182.
16. Богоявленский Н.В. *Цит. соч.* С. 332.
17. Астафьев Г.В. Подъем освободительного движения народов Сынцзяна // *Всемирная история и Восток*. Сб.статей. М., 1989. С. 174.
18. «Киргизская Степная газета» = «Дала Уалаяти». 1990. № 10.
19. Астафьев Г.В. *Казахи Китая*. Рукопись. Б.г. С. 224.
20. Богоявленский Н.В. *Цит. соч.* С. 329.
21. Рапорт Степного генерал-губернатора К.Таубе от 10 мая 1894 г. Министру внутренних дел И.Дурново. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1429. Л. 228.
22. Письмо консула в Кашгаре Н.Петровского // Там же. Л. 228 об.
23. Материалы обсуждения законопроекта // Там же. Л. 256.
24. Там же. ЛЛ. 241, 250, 259.
25. Богоявленский Н.В. *Цит. соч.* С. 328.
26. Докладная записка Туркестанского генерал-губернатора Н.Иванова // АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 262. Л. 14.
27. АВПРИ. – Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1429. Л. 259.
28. АВПРИ. – Ф. Китайский стол, 1906 – 1909 гг. Д. 1443. ЛЛ. 9 - 10.
29. Заявление консула в Кульдже // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1429. Л. 260.

30. Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867 – 1914 гг. Алма-Ата, 1965. С. 288.
31. Из Материалов заседаний Комитета Министров 1903 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1883 – 1917. Д. 1434. Л. 192- 193.
32. Из донесения консула в Кульдже // АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1883–1917. Д. 1434. Л. 191-192.
33. Из обращения китайского посланника в Петербурге в МИД России в феврале-апреле 1904 г. // АВПРИ. – Ф. Китайский стол. 1883 – 1917. Д. 1434. Л. 142.
34. Уведомления Военного губернатора Семиреченской области // АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1883–1917. Д. 1434. Л. 144.
35. Фесенко П.И. История Синьцзяна. М., 1935. СС. 241-242.
36. АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1883 – 1917. Д. 1434. ЛЛ. 21, 34.
37. «Санкт-Петербургские ведомости», 1897. января 22. № 20.
38. Переселенческое дело в 1908 году. Сост.Д.Флексор. СПб., 1908. С.35.
39. См. АВПРИ. – Ф. Среднеазиатский стол Б., 1910 – 1917 гг. Д. 405.Л. 28.
40. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. 1. Курс русской истории. М.: "Мысль", 1987. 432 с.
41. Там же. с. 334.
42. Статистический ежегодник России 1918 г. М., 1928. сс. 108-109.
43. Введенский И. Переселение и аграрный вопрос // Вопросы колонизации, 1909. № 2. С. 3.
44. Осинский В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 88.
45. Там же.
46. Статистический ежегодник России, 1916 г. М., 1918. С. 108 – 109.
47. Дербер П. Японская эмиграция и США // Новый Восток. 1924. № 6. СС. 19 – 21.
48. РГВИА. Ф. 400. Д. 3948. ЛЛ. 124, 267.

References:

1. Dreyer Y.T. The Kazakhs in China // *Ethnic Conflicts in International Relations*. N.Y., 1977.
2. Selitsky I.V. Kulja settlers of Chinese border strip // "Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the University of Kazan." 1904. Vol. 20. Issue 6. (In Russian).
3. Report by Consul N.Bogoyavlenskij. // *Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE)*. F. Mission in Beijing. In. 761. C. 262. LL. 13- 14. (In Russian).
4. Report Consuls in Chuguchak. // *AFPRE*. F. Chinese table. In. 491. C. 1429. L. 257. (In Russian).
5. Report by Consul Bogoyavlenskii. // *AFPRE*. F. Chinese table. 1884–1900. C. 1429. L. 262. (In Russian).
6. Report of the Governor-General Semirechensk. - *Ibid.* (In Russian).
7. *AFPRE*. F. Chinese table. In. 491. C. 1429. L. 192. (In Russian).
8. *AFPRE*. Chinese table. In. 491. 1883 – 1917. C. 1434. L. 193 ob. (In Russian).
9. Bogoyavlenskij N.V. *West China beyond the Wall*. SPb., 1906. L. 320. (In Russian).
10. "Review of the state of affairs in the region Kulja the beginning of the twentieth century." Compiled ID diplomatic official at the Turkestan governor-general V.Nalivkin // *AFPRE*. F. Chinese table. In. 491. C. 1434. L. 117. (In Russian).
11. From the history of international relations in Central Asia. *Collection of articles*. A., 1990. (In Russian).
12. Note the Chinese envoy in St. Petersburg on October 5, 1906 in the Russian Foreign Ministry // *AFPRE*. F. Mission in Beijing. In. 761. C. 262. L. 14 ob. (In Russian).
13. Astafjev G.V. The rise of the liberation movement of the peoples of Xinjiang // *World History and the East*. *Collection of articles*. M., 1989. LL. 171-178. (In Russian).
14. Memorandum consul in Chuguchak // *AFPRE*. F. Chinese table. In. 491. C. 1429. L. 181. (In Russian).
15. *Ibid.* L. 182. (In Russian).
16. Bogoyavlenskij N.V. *Cit. op.* L. 332. (In Russian).
17. Astafjev G.V. The rise of the liberation movement of the peoples of Xinjiang // *World History and the East*. *Collection of articles*. M., 1989. L. 174. (In Russian).
18. "Kirgiz Steppe newspaper" = "Dala Ualayati." 1900. № 10. (In Russian).
19. Astafjev G.V. *Kazakhs of China*. Manuscript. Without year. L. 224. (In Russian).
20. Bogoyavlenskij N.V. *Cit. op.* L. 329 (In Russian).
21. The report of the Steppe governor-general K.Taube from May 10, 1894 to Minister of Internal Affairs I.Durnovo. // *AFPRE*. F. Chinese table. In. 491. C. 1429. L. 228. (In Russian).
22. Letter consul in Kashgar N.Petrovsky // *Ibid.* L. 228. (In Russian).
23. Articles discussing the draft law // *Ibid.* L. 256. (In Russian).
24. *Ibid.* LL. 241, 250, 259. (In Russian).
25. Bogoyavlenskij N.V. *Cit. op.* L. 328. (In Russian).
26. Memorandum of Turkestan Governor-General N.Ivanov // *AFPRE*. F. Mission in Beijing. In. 761. C. 262. L. 14. (In Russian).
27. *AFPRE*. F. Chinese table. In. 491. C. 1429. L. 259. (In Russian).

28. AFPRE. F. Chinese table, 1906 – 1909 rr. C. 1443. L. 9 - 10. (In Russian).
29. Statement consul in Kulja // AFPRE. F. Chinese table. In. 491. C. 1429. L. 260. (In Russian).
30. Galuzo P.G. Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867 - 1914 years. Alma-Ata, 1965. 288 p. (In Russian).
31. From materials of meetings of the Committee of Ministers in 1903. // AFPRE. F. Chinese table. 1883 – 1917. C. 1434. L. 192-193. (In Russian).
32. From the report Consul in Kulja // AFPRE. F. Chinese table. 1883 – 1917. C.1434. L. 191-192. (In Russian).
33. From the appeal of the Chinese Envoy in St. Petersburg in the Russian Foreign Ministry in February-April 1904. // AFPRE F. Chinese table. 1883 – 1917. C. 1434. L. 142. (In Russian).
34. Notifications of Military Governor of the area Semirechensk // AFPRE. F. Kitajskij stol. 1883 – 1917. C. 1434. L. 144. (In Russian).
35. Fesenko P.I. The history of Xinjiang. M., 1935. LL. 241-242. (In Russian).
36. AFPRE. F. Chinese table. 1883 – 1917. C. 1434. LL. 21, 34. (In Russian).
37. "St. Petersburg Gazette", 1897 January 22. # 20. (In Russian).
38. Resettlement deal in 1908. Compiled D.Fleksor. SPb., 1908. L.35. (In Russian).
39. AFPRE. F. The Central Asian table B., 1910 – 1917. D. 405. L. 28. (In Russian).
40. Klyuchevskii V.O. Compositions: The 9-t. T. 1. The course of Russian history. M., 1987. 432 p. (In Russian).
41. Ibid.p. 334. (In Russian).
42. Statistical Yearbook of Russia, 1918 y. M., 1928. LL. 108-109. (In Russian).
43. Vvedensky A.I. Relocation and agrarian question // Questions of colonization, 1909. # 2. L.3. (In Russian).
44. Osinsky V.V. International and intercontinental migration in pre-war Russia and the USSR. M., 1928. L. 88. (In Russian).
45. Ibid.
46. Statistical Yearbook of Russia, 1916 y. M., 1918. LL. 108 – 109. (In Russian).
47. Derber P. Japanese emigration and US // New East. 1924. # 6. LL. 19 – 21. (In Russian).
48. Russian State Military History Archive (RSMA). F. 400. C. 3948. LL. 124, 267. (In Russian).

УДК 94(574):930.2

**Российские консулы в Синьцзяне:
законодательные инициативы на рубеже XIX–XX вв.**

Гюльнар Кайроллиновна Муканова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан
г. Алматы, проспект аль-Фараби, 71
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: Gulnar_mukanova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена интересной главе в истории международных отношений в Центральной Азии, а именно, роль консульской службы в отслеживании этно-демографических процессов в области русско-китайской границы. Наблюдения российских консулов и анализ ситуации на рубеже 19-го и 20-го веков отражены в источниках, которые позволили автору исследовать детали развития международных отношений и принятия Закона 1903 года, регулировавшего неконтролируемую иммиграцию. Автор изучила массив документов из архивных фондов, мемуарную литературу, периодические издания указанного периода. Деятельность российских консулов в течение многих лет не изучалась в качестве предмета исследования, так как приход к власти большевиков в 1917 году и отречение Николая II Романова вывела их вне политики. Судьба российских консулов за рубежом после 1917 года представляет собой отдельную страницу драматической истории. Китайская сторона активно сотрудничала с консулами в Синьцзяне, что объяснимо позицией государства в преддверии Первой мировой войны. Это пример заинтересованного сотрудничества России и Китая при решении проблемы стихийной трансграничной миграции в Центральной Азии.

Ключевые слова: Россия, Китай, Цины, Центральная Азия, Казахстан, Синьцзян, миграция, казахи, консулы, Закон 1903 г., граница.